

УДК 930.24

doi: 10.17072/2219-3111-2016-3-58-67

ДИСКУССИЯ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИНТЕРЬЕРЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОЛЯ

В. С. Груздинская, В. П. Корзун

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 644077, Омск, пр.Мира, 55

vik11910314@yandex.ru

korzunv@mail.ru

В конце 1950-х гг. в советской исторической науке начался процесс возрождения историографии. Отражением его стало создание в Институте истории АН СССР Научного совета по проблеме «История исторической науки», который подготовил к изданию первый многотомный труд по истории исторической науки СССР. Совет инициировал обсуждение важных теоретических проблем, в частности, проблемы периодизации истории советской исторической науки. дискуссия по этой проблеме развернулась в журнале «История СССР» в 1960–1962 гг. В статье рассмотрены этапы и структура дискуссии в контексте развития советской исторической науки и коммуникативных практик историков.

Ключевые слова: советская историческая наука, М.В. Нечкина, периодизация истории советской исторической науки, научная дискуссия, научная коммуникация, историография.

Научная дискуссия – необходимый элемент функционирования науки как института, она выступает одной из важных форм профессиональной коммуникации ученых. В общественных науках идеологичность, полемичность – имманентно присущая форма репрезентации научного знания. Да и сам факт вступления в научное сообщество посредством диссертационного диспута свидетельствует о закреплении этой формы в качестве нормы профессии [Тоштендаль, 2014, с 108–109]. Современный исследователь С.Б. Крих образно представил дискуссию и ее структурную организацию как войну, «в которой присутствуют манифестации сил (заглавная статья или серия статей), объявление "военных действий" (выдвижение противной точки зрения с подчеркнутым стремлением оспорить выводы другой стороны), сами эти действия (сочетание аргументов и контраргументов), итог (полное или частичное признание правоты по принципиальным аспектам одной или обеими сторонами, иногда с завершающими дискуссию итоговыми статьями, монографиями) и последствия (первичные – коллективные труды по конкретной проблеме, написанные с учетом результатов дискуссии, и вторичные – историографические работы, излагающие ее ход)» [Крих, 2011, с. 347]. Дискуссии заставляют «мобилизовать все силы, имеющиеся в наличии, задействовать максимум коммуникативных каналов и, как всякая война, они не проходят бесследно для того поля, на котором разворачиваются: они могут закончиться не только победой одной из сторон, но и их взаимным истощением» [Там же, с. 347].

Особую роль играют дискуссии в период оформления новых дисциплинарных полей – это своего рода пропуск научной дисциплины в научную семью. В начале 1960-х гг. такой «пропуск» предстояло получить историографии. Положение историографии как научной дисциплины в советской исторической науке оставляло желать лучшего. Достаточно вспомнить судьбу значимой советской работы по истории исторической науки «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна, использование которой в высшей школе было запрещено (Приказ Министерства..., 2011., с. 367–369).

Тучи на историографическом небосводе стали рассеиваться в конце 1950-х гг., когда в Институте истории АН СССР был создан Научный совет по проблеме «История исторической науки». С этого времени начинается процесс возвращения историографии как научной дисциплины в историческую семью. Знаковым моментом возвращения, безусловно, является проведение первой историографической дискуссии в журнале «История СССР». Исследователи уже касались этой проблемы, правда, в качестве иллюстрации своих суждений о развитии

исторической науки в середине 1950–1980-х гг. Дискуссия неоднократно упоминается в исследованиях Л.А. Сидоровой [Сидорова, 2000, с. 401–409]. Она рассматривает данный историографический факт в контексте развития советской исторической науки в годы «оттепели» наряду с другими дискуссиями конца 1950 – начала 1960-х гг. (об азиатском способе производства, основном экономическом законе феодализма, периодизации истории советского общества и др.), при этом выделяет ряд их общих черт: «поиск истины» в марксистско-ленинской методологии, «допущение некоторой плюралистичности в постановке и решении исторических проблем» [Сидорова, 2000, с. 406].

В другом ракурсе к указанной дискуссии подходит Г.Д. Алексеева, кстати, являющаяся ее участницей [Алексеева, 2003, с.108–110]. Историограф интересуется проблемой влияния дискуссии на развитие историографии в советской науке. Г.Д. Алексеева рассматривает факт научной жизни – обсуждение периодизации истории советской исторической науки – исключительно в плоскости «наука – власть», не обращая внимания на внутренние факторы развития науки. Так, она отмечает: «Участники находились под прессом официальной идеологии и исторической концепции, сложной политической ситуации в стране начала 1960-х гг.», но проявление этого «пресса» в работе не очевидно, вопрос о механизмах, пределах, особенностях данного воздействия даже не ставится. В то же время, по мнению историографа, выработанная периодизация «не отражала внутренних процессов самой науки, ее закономерностей и характерных черт, свойственных каждому периоду ее развития». Такая категоричная оценка может быть оспорена, если обратиться и к материалам самой дискуссии, и к «Очеркам истории исторической науки».

В работах К.П. Ярковой дискуссия о периодизации истории советской исторической науки рассматривается как одно из направлений деятельности Научного совета по проблеме «История исторической науки» [Яркова, 2007]. Она освещает дискуссию в рамках научно-издательской деятельности Научного совета, который и инициировал обсуждение данной проблемы сначала на своих заседаниях, затем в журнале «Истории СССР». Это, безусловно, свидетельствует о расширении проблемного поля, но К.П. Яркова фиксирует лишь задачи и итоги обсуждения периодизации истории советской исторической науки, не останавливаясь на этапах дискуссии, ее лексиконе, антропологическом контексте, т.е. на том, что позволяет понять особенности советского научного дискурса, механизмы складывания конвенций в научном сообществе.

Так или иначе тема дискуссии всплывала в биографических исследованиях, посвященных М.В. Нечкиной [Вандалковская и др., 1987, с. 8–34]. Но авторы указанной работы лишь упоминают о дискуссии как об одной из вех научно-организационной деятельности руководителя Научного совета.

Как и в исследовательской литературе, сюжет, посвященный дискуссии о периодизации истории советской исторической науки, освещался в учебниках по историографии на уровне констатации факта ее проведения и хронологической периодизации.

Как видим, интересующая нас тема историографической дискуссии не нова, однако она не стала предметом специального изучения как феномен профессионализации и специфической коммуникации историков. На наш взгляд, необходим детальный текстологический анализ дискуссии, чтобы уйти от однобоких оценок и самой дискуссии, и в целом советской историографии как исключительно идеологического продукта. В предлагаемом исследовании мы использовали материалы самой дискуссии, дневниковые записи руководителя Научного совета по проблеме «История исторической науки» М.В. Нечкиной, архивные материалы из фонда М.В. Нечкиной (Архив РАН РФ. Ф. 1820).

Дискуссия проходила в журнале «История СССР» в 1960–1962 гг. и нашла отражение по подсчетам М.В. Нечкиной в тринадцати публикациях, но она не включила в их число первые две, с которых началось обсуждение, и итоговую статью. Таким образом, обсуждению проблемы было посвящено шестнадцать публикаций. В дискуссии приняли участие историки Академии наук и ведущих вузов страны, представляющие различные дисциплинарные поля советской исторической науки. Стоит отметить, что изначально был задан темп дискуссии, который удалось выдержать до конца. В первый год дискуссии в пяти из шести возможных номерах журнала было опубликовано девять статей. Во второй год – также в пяти номерах, но уже пять

работ. В последний, 1962 г., в двух номерах – две статьи, одна из которых итоговая. Несмотря на сокращение количества публикаций, именно в 1961 г. обсуждение достигает наибольшего эмоционального накала: на арену выходят корифеи советской исторической науки, между которыми разворачивается настоящая интеллектуальная схватка.

Вернемся к истокам дискуссии, к которым относятся две статьи: первая принадлежала перу руководителя упомянутого уже Научного совета М.В. Нечкиной (*Нечкина*, 1960, №1, с. 77–91), вторая – Г.Д. Алексеевой (*Алексеева*, 1960, №1, с. 92–105). Свои размышления автор первой публикации начинает словами: «Пора советским историкам изучить историю советской исторической науки и написать обобщающий труд, ей посвященный» (*Нечкина*, 1960, №1, с. 77). Историк сразу определяет утилитарную задачу предстоящей дискуссии – она необходима для выработки периодизации истории советской исторической науки, которая ляжет в основу последних томов «Очерков истории исторической науки в СССР». М.В. Нечкина предлагает следующие принципы периодизации. Во-первых, необходимо соотнесение общей периодизации истории советского общества с развитием науки как базиса и надстройки. Во-вторых, периодизация должна отражать «главные стороны развития исторической науки», к которым автор относит 1) концепцию исторического процесса, 2) исследовательскую проблематику, 3) новые приемы исследования и 4) включение новых источников.

М.В. Нечкина на «прямой стреле» развития советской исторической науки выделяет нулевую точку, с которой все началось. Такой точкой, по ее мнению, является середина 1890-х гг., когда шла «разработка марксистской концепции исторического развития» в трудах В.И. Ленина, В.В. Воровского, И.И. Скворцова-Степанова. Собственно советский историографический период обозначается как продолжение дореволюционной марксистской традиции и начинается он в 1917 г., хотя автор позже внесет существенную поправку: с залпом «Авроры» русская историческая наука не могла в одночасье стать марксистской, советской. М.В. Нечкина отмечает, что в 1917–1923 гг. произошло концептуальное и институциональное становление науки, «проведена борьба со старой буржуазной наукой».

Следующий период (1924–1934/1936 гг.) характеризуется, по М.В. Нечкиной, идейной борьбой с «враждебными марксизму направлениями», окончательным крахом буржуазной науки. Автор не забывает упомянуть заслуги и ошибки своего учителя и «отца-основателя советской историографии» М.Н. Покровского и его школы, хотя делает это так, как будто сама не имеет отношение ни к М.Н. Покровскому, ни к его школе. Заканчивается этот этап постановлениями партии и правительства о преподавании истории в средней и высшей школе.

Третий период длится с 1934/1936 гг. до XX съезда КПСС и отличается обращением историков к проблеме смены общественно-экономических формаций, применением марксистской методологии к конструированию всемирной истории. Современный период для автора заглавной дискуссионной статьи начинается в 1953/1956 гг. В это время главным трендом развития не только исторической науки, но и всей интеллектуальной творческой мысли является «преодоление ошибок, связанных с культом личности».

Статья М.В. Нечкиной провоцировала развертывание дискуссии. Предназначение статьи – статья предметом обсуждения – требовало особого подхода. Автор иногда идет на хитрость и создает у читателя впечатление, будто не уверена в собственных мыслях. Так, даже не самый внимательный читатель заметит расхождение в датах периодов: третий этап закончился XX съездом партии, т.е. в 1956 г., а четвертый начался не то в 1953, не то в 1956 г. Историк не дробит периоды на этапы, но совершенно осмысленно выделяет проблемы, которые могут стать основаниями для выделения новых этапов. Например, автор отмечает, что в рамках третьего периода годы Великой Отечественной войны имели «свои особенности», указывает их, но в отдельный этап не выделяет.

Допущение «уязвимости» собственных тезисов не типично для нечкинского стиля, для которого наряду с образностью характерны выверенность и четкость каждой формулировки. Отступление от привычной стилистики можно объяснить тем, что Милица Васильевна находилась в достаточно комфортной ситуации: она уже апробировала основные тезисы статьи и была знакома с возражениями коллег, которые по определению должны были стать участниками дискуссии в журнале «Истории СССР». Доказательством этого служат ее

дневниковые записи. В апреле 1958 г. на заседании ученого совета Института истории АН СССР М.В. Нечкина выступила с докладом «Некоторые основные вопросы истории исторической науки (Предмет изучения. Предпосылки. Генезис. Периодизация. Основная проблематика)» (Дневники академика М.В. Нечкиной, 2005, №9, с. 113). 28–29 ноября 1959 г. Комиссия по истории исторической науки организовала конференцию, на которой были заслушаны два доклада – «Основные вопросы периодизации советской исторической науки» (М.В. Нечкина) и «Возникновение советской исторической науки» (Г.Д. Алексеева). В личном архиве академика остались записи об этом событии. Так, мы можем установить, что на заседании по докладам М.В. Нечкиной и Г.Д. Алексеевой выступили И.Я. Лернер, В.Г. Рослякова, В.Е. Иллерицкий, Э.Б. Генкина, С.О. Шмидт, М.П. Ким, М.Е. Найденов, К.Н.Тарновский, В.А. Дунаевский, С.И. Якубовская (Архив РАН. Ф. 1820. Оп.1. Д. 368. Л.83). Многие из перечисленных историков станут авторами статей, появившихся в рамках дискуссии в журнале «История СССР». Видимо, эти доклады и выступления стали основой многих статей дискуссии в 1960–1962 гг. Во всяком случае, менее чем за две недели до начала открытой дискуссии М.В. Нечкина сделала запись о судьбе своей статьи: «сдала в редакцию журнала "История СССР" 9–11 декабря» (Дневники академика М.В. Нечкиной, 2005, №9, с.116).

Статья Г.Д. Алексеевой посвящена первому этапу развития исторической науки (Алексеева, 1960, №1, с. 92–105). Автор использует периодизацию М.В. Нечкиной, дополняя ее качественными характеристиками развития советской исторической науки в 1917–1923 гг. Приверженность выбранной периодизации отразилась и в кандидатской диссертации историка.

Итак, в публичном пространстве профессиональной историографии была обозначена проблема периодизации советской исторической науки. Некоторые авторы предметом своих размышлений избрали отдельные этапы периодизации (Тарновский, 1960, №3, с. 149–155; Инкин, Черных, 1960, № 5, с. 75–84; Городецкий, 1960, № 6, с. 85–98). В центре внимания К.Н. Тарновского и Е.Н. Городецкого оказался вопрос о соответствии выделенных М.В. Нечкиной периодов развитию ряда проблемных историографий. Результаты такой экспликации оказались противоречивыми. Е.Н. Городецкий пришел к заключению, что периоды изучения Октябрьской революции полностью совпадают с выделенными М.В. Нечкиной этапами развития советской исторической науки. Его материал работает на обоснование «научной легитимности» периодизации М.В. Нечкиной. Можно предположить существование определенной конвенции между историками. Е.Н. Городецкий и М.В. Нечкина были коллегами по Научному совету по проблеме «История исторической науки». Кроме того, Е.Н. Городецкий наряду с И.Д. Ковальченко и А.О. Чубарьяном был ее заместителем на посту председателя совета (Архив РАН. Ф. 1820. Оп.1. Д.369. Л. 190). Скорее всего их ожидания от дискуссии были связаны с апробацией и обсуждением в научном сообществе нечкинской концепции.

Материал же К.Н. Тарновского по историографии российского империализма не укладывался в предложенную в заглавной статье периодизацию. Он предлагал продлить первый период до 1925 г. и разделить второй период на два этапа, границей между которыми, по его мнению, был 1929 г. К этому времени относится проведение ряда знаковых научных форумов, ставших важными вехами самоидентификации историков-марксистов. Это Всесоюзная конференция историков-марксистов, на которой обсуждались проблемы империализма и истории рабочего класса; Всесоюзная конференция аграрников-марксистов, где поднимались вопросы сущности «азиатского» способа производства, феодализма, торгового капитала. Принципиальных расхождений с М.В. Нечкиной у К.Н. Тарновского нет. В то же время в отличие от Е.Н. Городецкого он оппонирует М.В. Нечкиной, но применяет скрытые, эмоционально нейтральные приемы полемики. Отмечая особо 1929 г. в истории советской исторической науки, К.Н. Тарновский говорит, что Милица Васильевна вскользь тоже упоминала этот рубеж, для него же это существенный рубеж как в методологическом, так и в институциональном плане.

На наш взгляд, эти две статьи показывают, что редакция журнала на начальном этапе проведения дискуссии избрала стратегию балансирования. Сначала вышла статья К.Н. Тарновского с критическим акцентом, затем – Е.Н. Городецкого, в которой нивелировался этот акцент.

Можно констатировать, что дискуссия развивалась в 1960 г. достаточно размеренно. Авторы вносили предложения по корректировке периодизации, не вступая в открытую полемику с М.В. Нечкиной (*Степанов*, 1960, №3, с. 156–157; *Лось*, 1960, №4, с. 146–149; Обсуждение статьи ..., 1960, №4, с. 149–151). Например, украинский историк Ф.Е. Лось обратил внимание на то, что в предложенной периодизации не были учтены особенности развития исторической науки в республиках. Он отмечает, что становление и укрепление исторической науки на Украине затянулось в связи с Гражданской войной.

Дискуссия оживилась и получила новый импульс благодаря статье М.Е. Найденова, доцента кафедры истории СССР советского периода Московского государственного университета (Найденов, 1961, №1, с. 81–96). Он отмечает, что у М.В. Нечкиной отсутствуют указания, «какими критериями надлежит руководствоваться, разделяя непрерывный процесс развития науки на этапы и периоды» (Там же, с. 82). По мнению М.Е. Найденова, М.В. Нечкина «полностью игнорирует острую идейную борьбу, в обстановке которой развивалась советская историография и которая являлась отражением борьбы классов в советской исторической науке» (Там же, с. 82). Так, внешние факторы признаются им приоритетными, оказавшими наибольшее влияние на развитие советской исторической науки. Он воспринимает советскую историческую науку как «идеологический фронт», что вполне вписывается в образ историографии, транслируемый в 1920-х гг. М.Н. Покровским и усвоенный многими членами научного сообщества.

М.Е. Найденов предлагает выделять два периода в развитии советской науки. Первый период (1917–1934 гг.) характеризуется ожесточенной борьбой на «историческом фронте», в ходе которой формировалась методология, концепция исторической науки. Поэтому, по его мнению, в данный период не может быть и речи о существовании советской исторической науки. Для него это переходный период. Особая роль в этом переходном периоде отводится М.Н. Покровскому. В рамках периода М.Е. Найденов предлагает выделить в зависимости от направления идеологической борьбы несколько этапов: 1917–1923, 1924–1927, 1928–1934 гг. Второй период начинается в 1935 г. и продолжается по настоящее время. Для него характерен рост научных кадров и институтов, развитие науки в республиках и др. В этом периоде предлагается выделить этапы: 1935–1940, 1941–1945, 1946–1956, 1956– настоящее время (начало 1960-х гг.).

М.Е. Найденов занял непримиримую позицию по отношению к нечкинской периодизации. На протяжении всей статьи он подвергает ее критике. Делает это открыто, резко, эмоционально. В то же время статья взбудорила обсуждение, все последующие участники будут не столько искать «белые» пятна в периодизации М.В. Нечкиной, сколько доказывать М.Е. Найденову, что он не прав. Конечно, это не запланированный редакцией ход, позволяющий привлечь внимание к дискуссии, но в этом, безусловно, проявлялись внутренние противоречия в сообществе ученых, прежде всего разногласий в понимании общей концепции развития науки – является ли она продуктом исключительно социального заказа или ей все же присущи элементы автономности, как специфическому институту культуры.

Следующий участник дискуссии, Е.А. Луцкий, критерий периодизации пытается найти в самой науке. Выбранный в качестве критерия научный фактор характеризуется им весьма специфически – в духе уже сложившейся современной ему практики/нормы с ярко выраженной антитезой «марксистская – буржуазная методология науки»: «единая методология исторической науки СССР» сложилась в борьбе с буржуазными концепциями истории (*Луцкий*, 1961, №2, с. 104). Он вступает в полемику с М.Е. Найденовым и по поводу оценки М.Н. Покровского, который считает, что на первом этапе «советская историческая наука восприняла не ленинскую концепцию, а концепцию М.Н. Покровского». Е.А. Луцкий в ответ на это замечает, что, во-первых, первый советский историк при наличии ошибок все же стоял на марксистских позициях. Во-вторых, взгляды историка не оставались неизменными, он пересматривал их. Таким образом, относительно М.Н. Покровского наметились разные оценки. В завершении статьи автор предлагает свой вариант периодизации развития советской исторической науки. Первый период длился с 1917 г. до конца 1930-х гг., когда были выявлены «антимарксистские ошибки» М.Н. Покровского. В это время происходило утверждение и развитие советской исторической науки. Следующий период охватывает промежуток с конца 1930-х гг. до начала

1960-х, когда «были созданы первые учебники по истории, основанные на ленинской исторической концепции, и началась подготовка фундаментальных обобщающих трудов по отечественной и всемирной истории». В то же время Е.А. Луцкий отмечает условный характер его схемы и предлагает вернуться в дальнейшем к ее обсуждению.

Оперативно на эту полемику отозвался А.Л. Шапиро (*Шапиро*, 1961, №3, с 81–88.). Объектом его внимания стали статьи М.Е. Найденова и Е.А. Луцкого. Историк не соглашается с предложенным М.Е. Найденовым критерием периодизации – появление новых идейных противников, так как в данном случае игнорируется факт развития самой науки. К тому же, как отмечает А.Л. Шапиро, автору не удалось последовательно применить выдвинутый им принцип периодизации. Так, для времени Великой Отечественной войны определяющим критерием выступает проблематика, для 1946–1956 гг. – «форма исторических исследований и увеличение их количества» (Там же, с. 83).

А. Л. Шапиро выступает против дробной периодизации истории исторической науки вообще, в частности, упрекает в этом Е.А. Луцкого. По его мнению, такая дробность не позволяет «сделать изложение материала наиболее доступным, связным и интересным и в максимальной степени избегать повторений» (Там же, с. 87). Для него в отличие от предыдущих участников дискуссии вопрос о выделении этапов в рамках периодов не является существенным. Он считает важным обратить внимание на качественные характеристики: проблемы и темы, исторические концепции отдельных историков. Безусловно, эта мысль уже возникала у участников дискуссии, однако никто не предлагал на практике отказаться от столь пристального внимания к деталям периодизации и перейти к качественной характеристике советской исторической науки.

Стратегия следующего участника дискуссии – С.О. Шмидта – направлена не на разоблачение оппонентов, а скорее на поиск примиряющих вариантов с фиксацией реальных расхождений, но в строго академических нормах, что нашло отражение и в лексиконе автора (*Шмидт*, 1962, №1, с. 94–104). Историк отмечает неточность периодизации М.В. Нечкиной, касающуюся времени завершения первого периода – 1923–1924 или 1925 г. Он, как и А.Л. Шапиро, сосредоточил свое внимание на качественном содержании периода. Такая же стратегия используется С.О. Шмидтом, когда он анализирует периодизацию М.Е. Найденова. В частности, автор не согласен ни с хронологическим, ни с содержательным определением этапа «1946–1956». По его мнению, необоснованно оценивать этот этап как «наиболее плодотворный», так как тогда в советской исторической науке произошло «отставание от задач современности». В то же время он предлагает выделить в качестве самостоятельного этапа 1953–1956 гг., т.е. критерии, связанные с политическими, внешними обстоятельствами, он считает важными, работающими применительно к советской исторической науке. Манера оппонирования С.О. Шмидта свидетельствует о том, что роли арбитра историк предпочитает роль увлеченного искателя. Несмотря на различие позиций, участники дискуссии прямо или косвенно признавали политизированность историографической практики.

Итоговая статья по дискуссии была опубликована М.В. Нечкиной в начале 1962 г. Историк в ней предстояло выступить в роли и судьи, и ответчика.

Краеугольным камнем всей дискуссии, по М.В. Нечкиной, оставался вопрос критериев периодизации. Ее неоднократно обвиняли в недостаточной продуманности критериев, непроговоренности факторов, повлиявших на качественное изменение развития науки. Она отвечает, что характеристика этих факторов в первой статье присутствовала, однако добавляет, что после дискуссии можно к ним добавить еще один – «новые организационные формы науки (коллективные труды, работы научных симпозиумов и т.д.)» (*Нечкина*, 1962, №2, с.57–78).

М.В. Нечкина вступает в дискуссию с М.Е. Найденовым. Напомним, что последний предложил альтернативную периодизацию истории советской исторической науки, в основе которой лежит критерий борьбы классов. Милица Васильевна решительно против такого подхода. Но свои контраргументы она разворачивает не в формате науковедческой парадигмы, а скорее в парадигме «просветительского» советского марксизма, демонстрируя одну из существенных особенностей советского историографического дискурса: классовая оценка как превалирующий индикатор профессионализма историка, но, как отмечает М.В. Нечкина, когда речь идет о современном социалистическом, бесклассовом, обществе, у исторической науки нет

никаких классовых врагов. Политическое мышление, согласимся в данном случае с И. Чечель (правда, ее оценка относится к более позднему периоду), «выступает в российском "историографическом Проекте" и в качестве текста, и в качестве контекста» [Чечель, 2011, с. 96]. В то же время автору чужд найденовский редуционизм. По М.В. Нечкиной, «появление враждебных концепций не может быть критерием развития советской науки по самому существу вопроса», так как оставляет в тени развитие советской науки. Найденовский критерий не приложим и к этапам внутри периодов. М.В. Нечкина упрекает своего оппонента в том, что по его логике идейным противником первого этапа второго периода (с 1934 г.) становится М.Н. Покровский. Хотя в оценке того же историка «патриарх» советской исторической науки «не был враждебен ленинизму». В итоге М.В. Нечкина резюмирует: сам М.Е. Найденев не может приложить данный критерий «к фактическому материалу последних крупных периодов – победы социализма и развернутого строительства коммунизма» (Нечкина, 1962, с. 64). М.В. Нечкина соглашается с тем, что в образе врага по-прежнему выступает зарубежная буржуазная наука. Однако, по ее мнению, эти явления не могут служить основным критерием периодизации

(Там же, с. 64).

Сразу стоит отметить, что М.Е. Найденев – единственный автор, удостоившийся столь пристального внимания в итоговой статье. С одной стороны, это свидетельствует о естественной реакции автора на конкурентную концепцию и, соответственно, о нежелании ее закрепления в науке. С другой стороны, это говорит о существовании разногласий не только между двумя историками, но и внутри научного сообщества. Данное суждение косвенно подтверждают дневниковые записи М.В. Нечкиной. Она отмечает, что во время обсуждения этой работы в редакции журнала произошел «сговор» группы: Мочалов (ред.), Дмитриев, Рындзюнский, Яцунский, Преображенский, Фадеев» были против основных положений статьи, а значит, «за Найденева и против "реабилитации" М.Н. Покровского» (Дневники академика М.В. Нечкиной, 2005, №10, с. 121). Они настаивали, чтобы итоги дискуссии были подведены в статье от редакции. Однако М.В. Нечкина пишет: «заняла непримиримую позицию» (Там же, с. 122). То есть, по существу, М.В. Нечкина, используя свой административный ресурс, пытается сделать дискуссию управляемой, а свою позицию закрепить в итоговой статье как позицию победителя.

В споре с М.Е. Найденовым М.В. Нечкина прибегает к разным приемам выражения своего несогласия. Нередко Милица Васильевна в рамках аргументации своих тезисов ссылается на других участников дискуссии: А.Л. Шапиро, Е.А. Луцкого, С.О. Шмидта, которые в своих публикациях оппонировали М.Е. Найденеву. Для данной статьи характерен тонкий сдержанный стиль оппонирования, когда спор разворачивается в пространстве всей статьи, но «как бы между прочим». Можно предположить наличие конфликтной ситуации в среде историков. В исторической литературе конфликты в научном сообществе уже приковывали внимание исследователей [Свешников, 2005, с. 228–259]. В частности, А.В. Свешников задается целью поиска адекватной методологии и находит ее в социологии науки. Согласно последней наука в первую очередь есть профессиональная деятельность ученых, поэтому необходимо говорить «не о конфликте концепций, а о конфликте людей», который протекает по заданным научным сообществом правилам [Там же, с.233]. Причины конфликтов разнообразны и не только связаны с научной деятельностью, они, как правило, не проблематизированы. А.В. Свешников выделяет «различные уровни напряженных взаимоотношений между учеными»: «неприятные отношения между учеными или группами ученых, которые обуславливаются различными причинами и могут существовать достаточно долго, не перерастая в открытый конфликт»; «собственно конфликт как ситуацию обострения неприятных отношений часто по какому-то конкретному поводу»; «скандал как конфликтную ситуацию с превышением (в первую очередь, эмоциональным) нормы противоречий и обострением противоречий между участниками конфликта» [Там же, с. 233].

Изложенное позволяет предположить, что взаимоотношения указанных историков находились на стадии «неприятности» и в 1968 г. переросли в конфликт (материалы личного фонда М.В. Нечкиной подтверждают это предположение). Сейчас же эта «неприятность» проявляется в стилистике оппонирования, иногда скрытого, иногда выраженного в эмоциональном споре.

Ранее упоминалось, что дискуссии в журнале «История СССР» предшествовало обсуждение доклада на конференции Комиссии по истории исторической науке, в которой принял участие М.Е. Найденов. Милица Васильевна сделала следующие пометки по поводу выступления Найденова. В ответ на упрек в недостаточном учете «развития советской идеологии» при разработке периодизации советской исторической науки она замечает: «...Я стремилась всячески учесть политические задачи» – и далее: «Решающий показатель, по его мнению, должен быть в состоянии идеологического фронта и политических задачах» (Архив РАН. Ф. 1820. Оп.1. Д. 368. Л.90). Кроме того, М.Е. Найденову, указавшему на то, что в докладе отсутствует упоминание о борьбе исторической науки с «ложными» взглядами Троцкого, Бухарина, Каменева и Зиновьева, Милица Васильевна решительно возражает: «Нет есть! Я не раз говорила об этом» (Там же. Л. 90). Неизвестно, озвучила ли она эти возражения на конференции, но напряжение в отношениях явно присутствовало.

Вернемся к дискуссии, которую М.В. Нечкина высоко оценила, так как в ее ходе обозначились наиболее важные историографические темы. Обсуждение способствовало тому, что стал вырисовываться «глубокий общий историографический "фон"», который позволит перейти от библиографического перечня работ в хронологической последовательности к истории науки.

Стоит сказать, что первая историографическая дискуссия имела большое значение для институционального развития молодой дисциплины – историографии. Результаты обсуждения нашли свое воплощение в последних томах «Очерков истории исторической науки». Напомним, что эту цель и преследовала М.В. Нечкина. В «Очерках» первоначальная периодизация претерпела изменение. Отказались от выделения крупных периодов и этапов в пределах их, а также от использования конкретных дат для обозначения ряда периодов. Так, первый этап длился с 1917 г. до середины 1920-х гг. (вместо 1923, 1924 или 1925 выбрана условная дата), второй – до середины 1920-х (хотя одни участники дискуссии предлагали 1928, другие – 1929 г., М.В. Нечкина вообще не выделяла его в самостоятельный). Третий этап завершился в 1936 г., четвертый продлился до начала Великой Отечественной войны. Пятый охватил период самой войны. Послевоенное десятилетие (до 1955 г.) составило следующий этап. Последний этап начался в 1956 г. и продолжается по настоящее время. Таким образом, «Очерки» можно отнести к этапу дискуссии, выделенному С.Б. Крихом как «последствия». Это не что иное, как экспликация материалов дискуссии в конкретном обобщающем труде.

Дискуссия способствовала содержательной коммуникации ученых-историков в нескольких аспектах. С одной стороны, обозначились сущностные подходы к пониманию объекта исследования – советской исторической науки: экстерналистский, интерналистский и третий, позволяющий учитывать их в единстве. Первый подход завершил свое логическое развитие в концепции Ю.Н. Афанасьева на излете 1990-х гг. [Очерки истории..., 2005, с. 300]. Второй подход – интерналистский – предполагает объяснение феномена советской историографии в рамках научного поля ее функционирования. Третий ориентируется на единство этих подходов. Но второй и третий формулируются на уровне констатации/пожелания и с большим трудом будут воплощаться впоследствии в историографической практике. Пожалуй, наиболее успешно в рамках советского марксистского дискурса будет реализован институциональный подход, существенно расширивший проблемное поле историографии как научной дисциплины.

В заключение обратимся к показательной ремарке, сделанной М.В. Нечкиной по совсем другому поводу. В июле 1962 г. после обсуждения статьи А.В. Фадеева о народниках, после которой должна была начаться дискуссия в журнале «Вопросы истории», она написала в дневнике: «Моя позиция: я за дискуссии, но на большом фактическом материале, на архивах – чтобы было исследование вопроса. А нас кормят статьями из цитат Ленина, в духе дискуссий конца 20-х – нач[ала] 30-х гг.! Нельзя спорить, кто "лучше" понимает Ленина и все! Чепуха! Таких дискуссий сейчас нет» (Дневники академика М.В. Нечкиной, 2005, №10, с. 128). Полагаем, что опыт историографической дискуссии не мог не повлиять на суждения академика, отражающие, на наш взгляд, желание если не отказаться от принципа партийности, то хотя бы несколько отойти от него в научном исследовании.

Дискуссия в журнале «История СССР» не прошла зря и стала заделом для последующих конференций, которые проводили Научный совет и группа по изучению истории исторической науки Института истории во главе с М.В. Нечкиной. Она актуализировала исследование советской исторической науки, обозначила ряд проблем, связанных с пониманием предмета историографии, способствовала расширению коммуникативного поля историографов. Участие в дискуссиях, организованных в журнале «История СССР», как столичных, так и провинциальных авторов, представителей академической и вузовской науки, озабоченных общей проблемой – историей советской исторической науки, можно рассматривать как начало складывания историографического сообщества со своей профессиональной культурой.

Список источников

- Алексеева Г.Д.* Возникновение советской исторической науки // История СССР. 1960. №1. С. 92–105.
- Архив Российской академии наук. Ф. 1820. Оп.1. Д. 368. Л.83; Д.369. Л. 190.
- Городецкий Е.Н.* К характеристике историографии Великой Октябрьской Социалистической революции (1917–1934) // История СССР. 1960. № 6. С. 85–98.
- Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. №9. С.108–128; № 10. С. 118–137.
- Инкин В.Ф., Черных А.Г.* О первом этапе советской исторической науки // История СССР. 1960. № 5. С. 75–84.
- Лось Ф.Е.* К вопросу о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1960. №4. С. 146–149.
- Луцкий Е.А.* Основные принципы периодизации развития советской исторической науки // История СССР. 1961. №2. С.102–105.
- Найденов М.Е.* Проблемы периодизации советской исторической науки // История СССР. 1961. №1. С. 81–96.
- Нечкина М.В.* К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1962. №2. С.57–78.
- Нечкина М.В.* О периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1960. №1. С. 77–91.
- Обсуждение статьи акад. М.В. Нечкиной «О периодизации истории советской исторической науки» в Ленинградском отделении Института истории АН СССР // История СССР. 1960. №4. С. 149–151.
- Приказ Министерства высшего образования СССР № 883 от 19 июля 1948 г. «О книге Н.Л. Рубинштейна "Русская историография"» // Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг./ под ред. В.П. Корзун. М., 2011. С. 367–369.
- Степанов Н.Н.* Этапы советской исторической науки // История СССР. 1960. №3. С. 156–157.
- Тарновский К.Н.* Советская историография российского империализма и вопросы периодизации истории советской исторической науки (1917–1936) // Истории СССР. 1960. №3. С. 149–155.
- Шатино А.Л.* Несколько замечаний о периодизации истории советской исторической науки // История СССР. 1961. №3. С. 81 –88.
- Шмидт С.О.* О предмете советской историографии и о некоторых принципах ее периодизации // История СССР. 1962. №1. С. 94 –104.

Библиографический список

- Алексеева Г.Д.* Историческая наука в России. Идеология. Политика (60–80-е гг. XX в.). М.: РОССПЭН, 2003.
- Вандалковская М.Г., Дунаевский В.А.* Краткий очерк научной, научно-организационной, педагогической и общественной деятельности // Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. истории. М.: Наука, 1987. Вып.17. С. 8–34.
- Крих С.Б.* Дискуссия как средство коммуникации в советской историографии древности //

История и историки в пространстве национальной и мировой культуры 18-21 вв.: сб. статей/ под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 345–352.

Очерки истории исторической науки XX в.: монография / под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2005.

Свешников А.В. «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: историогр. сб. / под ред. В.П. Корзун, Г.К. Садретдинова. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та. 2005. Вып. 1. С. 228–259.

Сидорова Л.А. Инновации в отечественной историографии: опыт рубежа 50–60-х гг. // Проблемы источниковедения и историографии: матер. II Научных чтений памяти ак. И.Д. Ковальченко. МГУ им. М.В. Ломоносова, 30 нояб. – 1 дек. 1998. М.: РОССПЭН, 2000. С. 401–409.

Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997. 288 с.

Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание: пер. с англ. А.Ю. Серегиной. М.: Новый Хронограф, 2014. 346 с.

Чечель И. «Профессионалы истории» в эру публицистичности: 1985–2010 // Научное сообщество историков России: 29 лет перемен / под ред. Г. Бордюгова. М.: АНРО– XXI, 2011. С. 56–128.

Яркова К.П. Научный совет «История исторической науки» Отделения Истории Академии наук СССР (1958–1985): возникновение, деятельность, итоги: дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2007.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.05.2016

THE FIRST HISTORIOGRAPHICAL DISCUSSION IN THE USSR: PROBLEM OF THE SOVIET HISTORICAL SCIENCE PERIODIZATION IN THE INTERIOR OF COMMUNICATIVE SPACE

V. S. Gruzinskaya, V. P. Korzun

Omsk State University, Mira ave., 55, 644077, Omsk, Russia
inarsky@mail.rut

In the late 1950s, the historiographical renaissance process began in the Soviet historical science. The creation of the Academic Council on the Problem of the History of Historical Science in the Institute of History of the Academy of Sciences was a reflection of the phenomenon. The Council was preparing to publish the first multivolume work on the history of the Soviet historical science. As the work was not only an organizational attribute, the Council initiated a discussion on important theoretical problems, in particular, on the periodization of the Soviet historical science. The discussion was developed on the pages of “The History of the USSR” in 1960–1962. The academician Militsa Nechkina, who headed the Council, was an initiator of the discussion. The discussion was attended by the leading experts of academic and university science, who represented different subject fields. The article describes the stages and structure of the discussion in the context of the development of the Soviet historical science and the communicative practices of historians.

Key words: the Soviet historical science, Militsa V. Nechkina, periodization of history of the Soviet historical science, academic discussion, academic communication, “historiographical renaissance”.

References

Alekseeva G.D. Istoricheskaya nauka v Rossii. Ideologiya. Politika (60–80-e gg. XX v.). М.: ROSSPEN, 2003.

Chechel' I. «Professionaly istorii» v eru publitsistichnosti: 1985–2010 // Nauchnoe soobshchestvo istorikov Rossii: 29 let peremen / pod red. G. Bordyugova. М.: ANRO– XXI, 2011. S. 56–128.

Krikh S.B. Diskussiya kak sredstvo kommunikatsii v sovetskoy istoriografii drevnosti // Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noy i mirovoy kul'tury 18-21 vv.: sb. statey/ pod red. N.N. Alevras, N.V. Grishinoy, Yu.V. Krasnovoy. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2011. S. 345–352.

Ocherki istorii istoricheskoy nauki XX v.: monografiya / pod red. V.P. Korzun. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2005.

Sidorova L.A. Innovatsii v otechestvennoy istoriografii: opyt rubezha 50–60-kh gg. // Problemy istochnikovedeniya i istoriografii: Mater. II Nauchnykh chteniy pamyati akademika I.D. Koval'chenko. MGU im. M.V. Lomonosova, 30 noyab. – 1 dek. 1998. М.: ROSSPEN, 2000. S. 401–409.

- Sidorova L.A.* Ottepel' v istoricheskoy nauke. Sovetskaya istoriografiya pervogo poslestatinskogo desyatiletiya. M., 1997. 288 s.
- Sveshnikov A.V.* «Vot vam istoriya nashey istorii». K probleme tipologii nauchnykh skandalov vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. // Mir istorika: istoriogr. sb. / pod red. V.P. Korzun, G.K. Sadretdinova. Vyp. 1. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta. 2005. S. 228–259.
- Toshtendal' R.* Professionalizm istorika i istoricheskoe znanie: per. s angl. A.Yu. Sereginoy. M.: Novyy Khronograf, 2014. 346 s.
- Vandalkovskaya M.G., Dunaevskiy V.A.* Kratkiy ocherk nauchnoy, nauchno-organizatsionnoy, pedagogicheskoy i obshchestvennoy deyatel'nosti // Materialy k bibliografii uchenykh SSSR. Ser. istorii. Vyp.17. M.: Nauka, 1987. S. 8–34.
- Yarkova K.P.* Nauchnyy sovet «Istoriya istoricheskoy nauki» Otdeleniya Istorii Akademii nauk SSSR (1958–1985): vzniknovenie, deyatel'nost', itogi: dis. ... kandist. nauk. Ivanovo, 2007